

а.величанский

1973-1975

а.величанский

баста

речитатив

1973-1975

Издание осуществлено за счет средств автора

Величанский А.Л.

Баста. Речитатив. Стихи. М.: Издательство “Прометей”
МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. - 63 с.

ББК 84.Р7-5

© Александр Леонидович Величанский

1973 - 1975

баста

КОГДА ПРОСНЕШЬСЯ

Я засыпаю на исходе дня.
Крадется сон в качнувшуюся явь.
Ты здесь еще? Не поправляй. Оставь.
Когда проснешься, разбуди меня.

Я засыпаю, мысли приклоня.
Усталость спит, а человек бормочет
и наволочку слюной бессвязной мочит.
Когда проснешься, разбуди меня.

Я засыпаю. Сплю. И ты - мой сон.
Как звездный свет бывает невесом,
но в нем не сыщешь внятного огня.
Когда проснешься, разбуди меня.

Трясется память. Лягушиный квак -
уже над головой, и это знак
того, что наступает глубина.
Когда проснешься, разбуди меня.

Вот точка - вот паук всяя тенет.
Она источнику лучи его вернет.
Гнилушка светит - стало быть гниет.
Легко: золы с огня спадает гнет,
и пепел падает, серебряно звеня.
Когда проснешься, разбуди меня.

Трясется память. Но кругом - такыр.
Мираж - ее оголодавший пир.
Мираж трепещет и вбирает мир:
уже под ним потрескалась земля.
Когда проснешься, разбуди меня.

Ты здесь еще. Но ты уже со мной.
Уже рассвет прикинулся страной.
Пойди покличь извозчика с утра.
Мы уезжаем. Едем. Нам пора.

Я слышу. Слышу. Снег идет. В сенях
стучат шаги. И холодно в санях.
Кругом пирует пьяная родня.
Когда проснешься
и прояснишься,
как в клубках пепла холка у коня,
когда проснешься, разбуди меня.

СКВОЗЬ ДВИЖЕНИЕ

Ты подумай, как летает пчела -
словно весла, ее два крыла,

и прозрачнее, чем крыльев слюда,
их движения туда и сюда.

Всё прозрачно - воздух, влага и твердь,
бесконечности дурной круговерть:

ничего не будет прежде и впредь,
если можно сквозь движение смотреть.

Но тебе о том известно давно -
сквозь движение ты видишь кино,

где актрису обнимает актер
и к экрану, словно к стенке, припер.

Где окраины отшиб,
по ошибке, по ошибке
человек один погиб
в безвозвратном полушубке
ото всех людей вдали -
в чистом поле, в чистом поле:
даже тела не нашли,
даже больше - не искали.

О ЛЕНЕ, ПОЛЮБИВШЕЙ АЙЗЕНШТАТА (сентиментальная пионерская баллада)

Горниста Айзенштата все любили:
он так горнил - потом так не горнили -
и песни пел всех выше на пол-тона
под аккомпанемент аккордеона.

Его любили за успехи в спорте,
за то, что он отважно бил по морде
врагов своих, и если враг был гордый,
не кулаками бил его, а горном.

Его любили девочки совместно.
От корешей ему бывало тесно.
Вожатые и прочее начальство
ему прощали ложь и зубоскальство.

Но Лена больше всех его любила:
всходило солнце или заходило -
все слушала и слушала запоем,
как он горнил подьемы и отбой.

А Айзенштат не обижал любивших -
глядевших, ни на шаг не отходивших -
и с каждым говорил о чем угодно,
и с каждой танцевал поочередно.

Но только Лене это было мало.
Она его за это ревновала.
И раз пройдя к нему сквозь окружение,
поцеловать спросила разрешенья.

Тут все забыли про его таланты.
На девочках похолодели банты.
И кореша все шутки поглотали:
не свистнули и не захохотали.

А Айзенштат, потеревивши челку,
отвел ее под вековую елку,
где на стволе его инициалы,
и там она его поцеловала.

Да. На виду у всех поцеловала.
Но только Лене это было мало.
И вечером под долгий звук отбоя
она рыдала над своей судьбою.

...Но время ускользает от событий,
и шепоты той ночи позабыты -
ведь время это то, что миновало,
залит смолою все инициалы.

И лишь дружки горниста и спортсмена
запомнили забывшуюся сцену

и полюбили Лену до могилы,
хотя она не пела, не горнила.

ПО СУТИ

Когда нас обрили наголо
и в ХБ обрядили,
мы стали совсем одинаковы,
какими по сути и были.

Но вскоре мы пригляделись
друг к другу, по лицам судя,
и стали - различны, отдельные,
какими и были по сути.

Но для прочего мира
и сами по себе
мы стали по сути мундиры лишь
или ХБ*.

ЛЕЙТЕНАНТ АЛДОБЕРГЕНОВ

Лейтенант Алдобергенов,
маленький восточный деспот,
укротитель пятой роты,
соблюдатель ярких блях,
проходя по гарнизону,
ищет зорко, ищет рьяно
нарушителей устава -
пьяниц, лодырей, нерях.

Лейтенант Алдобергенов
с неподвижными глазами,
что надрезаны вкосу
злым отеческим ножом
на лице пустом и голом
с кулаками скул калмыцких,
с черной шерстью кобылицы
на черепе небольшом.

Лейтенант Алдобергенов,
жадный раб неясной страсти,

* ХБ - хлопчато-бумажнос обмундированис.

жадный вор нелепой воли -
он коварен и хитер -
между двух машин военных,
чьи названия опасны,
в день ученья боевого
был случайно перетерт
насмерть.

МАРА,
РОБЕСПЬЕР И Д'АНТОН? —
НЕТ — МАДАМ ДЕ ЛАМБАЛЬ

Говорить о Марате-ораторе,
кровопийце, лжеце и т.д.
и о том, как народ - друг Марата,
убивал Шарлотту Корде,

и о том, как Маратово сердце,
равноправно разрезав ножом,
якобинцы и кордельерцы
по Парижу несли нагишом,

и о том, что за строгие меры
принимались из года в год,
чтоб трусливого Робеспьера
не забыл человеческий род,

и о том, и о том,
как во время инфляции
не играл ли на бирже д'Антон,
чтобы было на что разгуляться,

и о том, как потом
новым подлостям в тон
из убийств понаделали басен -
обо всех этих тонкостях я говорить
не согласен.

Я скажу лишь: историк и враль!
Роль свою сознаешь ты едва ль -
смерть твои усмотренья низринет -
ты ответишь, ты! - за герцогиню
де Ламбаль! де Ламбаль! де Ламбаль!

КУДА ДЕВАТЬ ТРУП МИРАБО

Куда девать труп Мирабо? -
такое множество гробов -
уж слишком рано помер он:
поторопился в Пантеон.

Не дожил до разбора
оратор Мирабо,
а то бы очень скоро
прошлись по нем сабó.

А ведь имел он целью
не частное лицо
и не автодицею,
как господин Руссо.

ВТУНЕ

Не восходя на эшафот,
скончался втуне Миработ.

Не доходя до адских врат,
Мюратом сделался Марат.

Событий славный поворот
достойно осветил Гюгот.

Но он не привлекает нас -
зане прельстительней Дюмас.

ЭПИЗОД

Однажды Луначарский,
сказавши речь про классы
и увидав начальство,
как будто в страшном сне,
упал с трибуны в массы,
упал с трибуны в массы,
разбился и измазался
и потерял пенсне.

ЧТО Ж ТОТ ЧУДАК

Что ж тот чудак,
что в смертный час Помпеи
ловил руками падавшие камни
и перебрасывал с ладони на ладонь,
как мы подчас картофель испеченный? -
мир пеплу своенравному его:
из горожан, проснувшихся в то утро
никто его искусства не заметил -
они ведь даже гибели своей
в тот ясный день путем не разглядели.

УРА

Театральный режиссер,
модернист на вес -
и сколь ни был он остер -
еле в джинсы влез,
чтоб попасть в страну чудес -
ведь здесь у нас - дыра -
приподнимает он желез-
ный занавес: ура!

1973

СЪЕЗД

Собрались как-то дети Дон Жуана
из всей Испании, из всех легенд известных,
и даже из Голландии неожиданно
прибыть изволило немало важных лиц,
и близ Толедо, в садике окрестном
они неделю пировали важно,
но всё допив и разочаровавшись
друг в друге, восвояси разбрелись.

МАТЕРИАЛИЗМ

"And I eat men like air"
S. P l a t h

Да, это так:
окислилась Жанна д'Арк.
А Сильвия Плас

сама хотела пожирать людей, как воздух -
она уже пылала, жглась...
но было поздно:
окислилась.

ВСЕХ ЛИ ПОГУБИЛ ПОТОП

Всех ли погубил потоп? -
ничего подобного! -
оставалась на потом
рыба допотопная -
она тешилась водой,
той водою судною,
по которой плавал Ной
на своей посудине.

ПТИЦЕЛОВ

Жил в Ирландии ирландский поэт
в башне сизой, где сова не поет.
Птицеловом был: не птиц, а полет
он ловил паучьей сетью чуть свет.

Он был Гамлет из хорошей семьи -
кто католик в ней, а кто патриот,
кто фанатик, а кто нытик, и вот
стал он Гамлетом себя посреди.

На бутылках он любил ярлыки,
этикетки, пробки, пленку свинца,
он любил, чтоб расходились круги
от упавшего в ладони лица.

Он был истиной нагой умилен -
не одеждой лживой ах в кружевах -
под чулками, под укрomным бельем,
где под мышками пушок рыжеват.

Миновали молоко и латынь,
Августин, иезуиты, запой -
дальний Дублин от зари золотым
одеялом укрывает прибой.

Он спустился с парашютом в Париж,
там, где в Сене протекает абсент,

где художник ловит отблески крыш
тем, что явно начинает лысеть.

Он показывал жене Нотр-Дам,
Тюильри и Лувр и Пале-Рояль,
в лимузине по Монмартру катал,
где убили госпожу де Ламбаль.

А Ирландия плыла по волнам,
и вдали качались мачты аббатств,
тех, к которым он ее ревновал -
он создаст ее по-новой, Бог даст.

Он был Гамлетом себя посреди,
только Авеля он не убивал -
он за Авелем повсюду следил:
как чесал тот гениталий развал.

Он был Гамлет, но его не вернешь:
он до Англии добрался, и там
обезглавлен не был - не по летам.
Видно, грамоту подделал он все ж.

Он предпринял путешествие в смерть
и назвал ее всей жизнью, да: всей.
И в паучью Пенелопину сеть
возвращается всю жизнь Одиссей.

...Но напев - напев он не одинок:
со звучаньем смысл венчается - речь
уплывает - беспечальный челнок
по волнам круглей цирцеинных плеч.

ПИГМАЛИОН

Плохой ваятель
Пигмалион
(погиб, приятель,
твой истукан!) -
на плоть земную
меняет он
всё то, что все
он высекал.

Увы, доволен
ли Апполон?
Киприда, вволю

себя потешь:
заколет телку
Пигмалион,
не зная толком
своих надежд.

Из-за стакана
Пигмалион
на истукана
бы век глядел.
Коль в тлен бесследный
он так влюблен,
что ж, видно, тленье -
его удел.

Наутро люд
спросит: где же он?
Что ж не идет
покупать кефаль?
Окаменевший
Пигмалион,
хоть и не евши,
придет едва ль.

А.Т.

...Боюсь, что недостойны вы
ни вашего страдания,
ни даже одиночества -
и с ним вы тоже врозь.
Боюсь, что это самое
большое наказание
из тех, что незаслуженно
нести вам довелось.

ШАХМАТОВО

Вот здесь на этом склоне неглубоком
сгорела дача Александра Блока
(ее сожгли): шиповника заслон
остался лишь да тополь серебристый,
дощечка с надписью да редкие туристы,
окурки, корки да бутылок звон,
да лес нетленный, да поляны склон,
да облака - вот памятники Блоку.

НАШ ОСТРОВОК

Наш островок отчалил от страны,
трясущейся от страха колыбели -
мы даже издали теперь не голубели,
волненьем вод от бурь ограждены.

Невелико приволье, но и тут
оставив распри, происки и споры,
достигли мы великого простора,
где дети, травы, добровольный труд.

Белела церковь с куполом в волнах,
с приделами в зеленой луговине,
затем - изломы изб в резьбе-рябине,
заборы, куры, огороды, прах.

Здесь жили мы тишком за годом год:
рождались полюбовно, умирали
среди любящих, молились в день печали,
ловили рыбу, выгоняли скот.

Потом гуляли праздники, потом
на мясоед трезвонили венчанья,
и не вороны тучами, а чайки
по-над церковным реяли крестом.

Но как-то утром видит наш звонарь:
идет на нас из дальнего залива
великий флот страны несправедливой,
оставленной общиной нашей встарь.

И в час, когда к заутрене звонят,
и гул любовно поднимают волны,
над островом зеленым, полюбовным
неслыханный ударился набат.

Весть разнеслась мгновенно. Весь народ
метнулся к пристани вперед молвы и крика,
всё кинув - и от мала до велика
ликуя: час расплаты настает.

Неслись калеки, выскочив из плеч,
бежали матери, не докормив младенцев,
и всяк страшился в замиравшем сердце
всеобщую кончиной пренебречь.

Больные выползали, и воздев
негнущиеся руки к убежавшим,
"И нас, и нас! - кричали, - всех, так всех,
мы все сродни одной державе нашей".

В одно мгновение был опустошен
наш остров: обезлюдели жилища,
и полый храм от купола до днища
безмолвия хранил глубокий стон.

В последний раз мелькнули впопыхах
посад, околица, откос и тополь круглый.
Вот горизонт в волнистых парусах.
Вот глаз людских хладеющие угли.

И замер на причале весь народ,
вперед подавшись сблизившимся телом.
Шли паруса, налившись ветром спелым.
Все ближе, ближе, явственней, вот-вот...
Но мимо, мимо проплывает флот -
неужто он и вправду уплывет
всё дальше, дальше - прочь
из этого напева?

•

Пусть гнетет тебя, храня,
одинокства броня
тяжестью своею -
хоть враги - рогатый скот,
всё же в латах Дон Кихот,
и, как нимб, сияет тот
тазик брадобрея.

ТРИ ВОРОНА, ТРИ ВОРОГА,
ТРИ ДРУГА

Три ворона, три ворога на ели
черней, чем могут вороны, чернели.

И рек один: вдали в зеленом поле
лежит боец и он не встанет боле.

У ног его лежат его собаки
и витязя оберегают паки.

И соколы его над ним кружатся,
чтоб мы к нему не смели приближаться.

К нему пришла его душа-молодка:
моложе, чем сама, ее походка.

И раны его долго целовала,
а раны те алее крови алой.

А после в чистом поле схоронила
в могиле, что чернее, чем могила.

Пережила недолго друга-млада -
не дольше, чем шотландская баллада.

Дай Бог тебе, скиталец неизвестный,
таких - собаку, сокола, невесту.

ТАКАЯ ЯСНОСТЬ

Такая ясность в утренних дворах
и в каждого забора явной щели,
как будто вдруг у всех прохожих - рак,
и им об этом ясно сообщили.
Строительств фермы, верно, потому
присыпаны потусторонним снегом,
в котором ночью город утонул,
смешавшись с непроглядным небом.

Ах, от худа, кроме худа,
ничего не жди!
Если предает Иуда,
и никто не верит в чудо -
посреди вражды,
среди пьянства, среди блуда -
ты от худа, кроме худа,
ничего не жди.

В ЧАС ЛЮБОВНОГО МОЛЧАНЬЯ

В час любовного молчанья, леди,
издавайте ваши стоны,
крики боли и истомы,
как кричали бы, едва родившись, дети.

В час любовного безделья, леди,
расправляйте ваши взгляды,
кольца ног и плеч рулады,
прядей всполох и объятий плети.

В час любовного наитья, леди,
не делитесь ни с подругой,
даже ни со всей округой,
а молчания тяните сети.

В час прощания с любовью, леди,
не печальтесь, плакать силясь,
вы давно уже простились
и уехали домой в своей карете.

УХОДЯ СПОЗРАНКУ

Уходя спозаранку,
ни о чем знать не знай -
пусть трезвонят цыганки,
скоморох и звонарь,
телефоны, трамваи,
стайки птиц и капель
о том, что без утайки
мы узнали теперь.

ВОСХОД СОЛНЦА

Кончалась ночь - утех? - утех.
Но есть поверье вот:
один увиденный восход -
один прощенный грех.

А потому, а потому
скорей смотри в окно,
и там, где было - всё одно! -
ты не увидишь тьму.

А если вместе поглядим
его издалека,
то хоть восход - один? - один,
простятся ДВА греха.

Оставишь мое имя
в пороке и во зле:
глазами золотыми
посмотришь мне вослед,
не думая о прежнем,
напрасно не скорбя,
и, - о, какой безгрешной
почувствуешь себя.

У женственности свой секрет -
всегда носить под сердцем
среди осиротевших лет
себя - совсем младенца.

И в этой тайнописи глаз
проглянет моментально,
как просторечье детских слез,
совсем простая тайна.

...Наивно искушаемый тобою,
мир для тебя лишь зеркало кривое.
Но ты глядишься в нем настолько мило,
что никогда душой не покривила.
За тридцать земель - за красотой -
живешь себе одна - нет, вместе с тою
покорностью, в какой вольны лишь дети,
еще едва живущие на свете,
еще не закрывающие глаз...
Как странно мне приволье твоих ласк.

Добро и зло в ней смешаны исконно.
И как-нибудь сквозь слов, издалика
она и мудрой быть вольна, но скорбной -
хотя б нечаянно, хотя б слегка
ей невозможно сделаться, поскольку
не тот мотив, гармония не та,
а было время и не те лета.

•
Она была из тех полупустынь,
где миражи столь явственны и зримы,
что перед ними жалко меркнет явь.
Раз побывав среди черепков такыра,
я по сей день узнать хочу, одно ли
виденье грезится двум путникам вдали,
душой своею каждый видит ли?

•
Не век глядеть нетленно
и отражать, блеснув,
слепого вождельня
чужую кривизну -
и кто-нибудь согреет
когда-нибудь, дай Бог,
твой влажный и серебряный
зеркальный холодок.

•
Страшись однажды в душу к ней войти,
какходишь в город древний на пути,
исполненный сегодняшнего блеска,
не замечая среди красот жилых
руин, оставшихся от храмов поднебесных,
хоть, может быть, ты сам разрушил их.

ЛЕГЕНДА

Я - ваятель душ и тел.
И в Париже даже
скажут: не один Роден
славою уважен.

Раз - зачем душой кривить -
с женщиной случайной
нас свели - чердак, кровать,
вечер или чарка.

Ночь прошла, и я узнал
то, чего не ведал:

что в единый миг уста
утоляют верность

многолетнюю. И я
захотел наугро
в белый мрамор изваять
мрак любви минутной.

Материала под рукой
не нашлось и, боги,
вспомнил я про дорогой
памятник супруге:

брака крепкого тайник -
лик, крыла и венчик, -
что недавно я воздвиг
в знак любви вечной.

Расколол я тот кумир
и осколки - лед их -
в вечный памятник свалил
любви мимолетной.

МОЛЧАНЬЕ

В одной балладе, что поют под банджо
у смеркшихся амбаров Арканзаса,
все происходит так же безнадежно,
как в жизни, что уходит нараспев.
Был человек на улице зарезан,
но люди убежавшего убийцу
со мною спутали, и я к утру был связан,
хоть не сопротивлялся, и шериф
сказал: "Без алиби спастись ты не надейся",
но я молчал, поскольку тою ночью
я был вдвоем с женою друга детства -
да, в их постели, Господи прости.
Вот так я стал убийцей и воочью
увидел казнь свою однажды ранним утром,
стал мертв бесповоротно и навечно.
И десять лет она о мне грустит.
Ночами непогожими за хутор
она уходит на мою могилу,
и низкой шалью голову закутав,
стоит подолгу около меня.
Не плачет. Ни слезы не проронила

за десять лет - всё думает упорно:
она свое молчанье схоронила
под этим камнем. Бедная моя! -
молчанье сохранится в преисподней,
как сохранилась эта вот баллада,
и вот ее поет твой муж исконный
на склоне утомительного дня.

А что еще для вечной жизни надо?

ЗАПОЗДАЛОЕ ПОСЛАНИЕ

"Елена, запоздалое послание
принес мне Ваш сияющий кузен.
Измучен ожиданием и ленью,
я было уж отчаялся совсем -
подумывал без дела о дуэли,
о брачной сокровеннейшей постели,
разглядывал Ваш одинокий локон:
без Ваших глаз и вправду одинок он.

Кузен Ваш плут. И в этом Вам подстать.
Поверьте мне, не будь он Вашим,
я б пристрелил его, прости меня Господь,
с постели даже не встававши,
как грязного черкеса иль жида,
но нового посланья ожидать
хотелось бы, и этого Гермеса
прикончить нет покуда интереса.

От мужа Вашего мне передан поклон.
Да, кланяться он мастер... В Петербурге
увиджусь с ним зимой, и, верно, он
мне передаст поклоны и восторги...
Не беспокойтесь - Вас я не предаю,
но и поклонов для la belle madame
нижайших от меня не ждите... Впрочем,
Вы и сейчас-то ждете их не очень.

Повесть Елена*...Этот горький год
еще помянете Вы сиротливым словом
и... скажете кузену: был он горд,
но сломлен мною тотчас... О, ни злого,
ни доброго от Вас не ждал я чувств

* Обращение в тексте письма зачеркнуто.

и если я сейчас не отшучусь,
то выскажу без страха и без нýжды,
что покорен был жадным равнодушьем,

с которым Вы живете. В первый миг
я был испуган даже... Ну да что там,
теперь меня все это не томит
и Вам не обязался я отчетом.
Теперь вольно мне ночью вспоминать
движений Ваших неживую гладь
и глаз неповторимое бесстыдство -
как в миг любви они трезвы до любопытства.

Теперь вольно мне жить без Вас, вольно
мне исцеляться то войной, то ленью.
Плохое кахетинское вино
и то порой казалось мне целебным...
Супругу Вашему я так скажу: "mon cher,
тебе я благодарен свыше мер -
когда б ты вовремя с семейством не явился,
я б в этом подлом городишке спился.

Твое радушьё... у меня вот тут
сидит! Кого теперь ты не заметишь,
кого в гостеприимный дом введут
приятелем..." Но это разумеет лишь
я буду, благодарно говоря...
Да, нынче ночью я напился зря.
Пусть строгий нрав Ваш за слова не взыщет -
всему виной похмелье и жарница.

...Вчера четыре раза проезжал
Ваш экипаж перед моим оконцем...
Куда Вы ездите все время? Впрочем, жаль,
что нам проститься с Вами не придется.
Мне это - смерть. А Вам - что за беда.
За Вашим экипажем пыли клубы
я наблюдал... Прощайте навсегда.
Целую Вас в запекшиеся губы".

НА СЛОВАХ

Скажи, что ни за что схватил я срок.
Что ротный врал. Что скоро, мол, отмаюсь.
Не говори, что лупит нас кусок.
Скажи, чтоб все же высылали малость.

Что Борька продал, бабе не трепись -
опять сойдутся, хоть и через свару.
Она уж раз давилась. А Борис
ее прибьет или ославит даром.

Водяра будет. Батя пьет шутя.
Да и свояк, хоть с придурью - не постник.
Но бабу ты - ни-ни - ни за грудя -
она мне все одно отпишет после.

И мы не будем больше кореша.
А сколько сроку сволокли на пару.
Скажи, что здесь не платят ни гроша,
и, разве что, на дембель кинут, падлы.

На мать гляди. Отцу до фонаря.
Коль с кем еще пошла моя шалава,
завоет мать. И все же, вдругорядь,
не трогай девку - может, брешут бабы.

Бориску встретишь, руки не марай.
Напишешь два разá - и то подмога.
Гуляй. Не на чужом уехал в рай.
Бери, бери. Портянки. На дорогу*.

БЕДНЯГА ЙОРИК

Что ж, помню. День был ветренный. Весною
грунт мажется. И глина тяжела.
Мы было уж управились. Вдруг - двое.
Один оборван чуть не догола.

Но сверх отребьев брошен плац изрядный.
Другой (чей плац), ну, так себе - школяр.
Над нами встали. Говорят. Ну, ладно.
Потом им череп дался. На кой ляд?

* Судя по жаргону ("кусок" - сверхсрочник, "дембель" - демобилизация и проч.), разговор происходит не в тюрьме, а в "дисбате" - дисциплинарном батальоне. Но так как, отбыв срок наказания в таком батальоне, солдат возвращается не домой, а в часть - дослуживать отсиженное, можно предположить, что тот, к кому обращены слова, "комиссован" из "дисбата" в связи с какой-нибудь неизлечимой болезнью.

Пристали, дескать, чей. Ну, ладно, вру им,
де, Йорика, придворного шуга.
Тут оборванец хватъ пустышку в руки
и ну болгать. Я, видишь, неспроста

приплел им Йорика. Хоть пьян был, но в бродяге
я сразу принца нашего признал.
"Бедняга Йорик!" - врет, как после браги.
Ох, не люблю я, брат, добра и зла.

А пуще - болговни о них. Хоть нашу
покойницу возьми - шумел народ,
что принц ее покойного папашу
прихлопнул, словно моль. А нынче врет

про смерти окаянства. Так-то. С ямой
мы кончили. За Йорика мне - дань.
Как раз идуг с покойницей. С той самой,
которая утопла. Дело дрянь.

Уперся поп. Не догнусавил что-то.
Брат трупa распалился - прямо страх.
Пристал к попу, как пьяная икота.
(А парочка моя, меж тем, в кустах

хоронится). Ну, гроб спустили в яму.
Тут этот самый братец, малый хват -
в плаще заморском - вдруг за гробом прямо
в могилу шастъ, чтоб вместе засыпать.

Кричит, как кочет. Больше про сестрицу.
Утопленницу. Вдруг из-за кустов
несет туда же чокнутого принца.
И он зарыться, стало быть, готов.

Орет, как брат. А то и по-знатнее:
покойница ему куда милей.
Ну тут и подрались они над нею.
Из-за нее и подрались. А ей

теперь, поди - что истина, что враки,
что эль, что безутешная вода.
Ей, вроде нас, родимой - не до драки -
нам: поскорей засыпать и - айда.

ПОМЕШАННЫЙ

Помешанный! Помешанный:
лица разжат кулак,
руками чисто внешними
он машет так и сяк.
Его улыбка, лобик и
пустующий зрачок...
И прямо счастье ловит он,
несчастный дурачок.

Не печалься, древний Габирол:
горечи никто не поборол
и никто не стер с лица печали -
далеко печаль за тусклыми глазами.
Сразу и горюет и поет -
горечь нам - что верная подруга...
Но наутро замечаем грубо:
призрачны объятия ее.

День базарный бел, как мельник.
Ай, наверное, с похмелья
Айзик Фидл продал скрипку,
продал скрипку он уже:
не играет больше сипло
он ни в свадьбах, ни в застолях -
музыка осталась только
у него в душе.

СТАНСЫ

Вот оттого-то Каина
невместно убивать:
привычное раскаянье
он должен испытать.

Кончины ждать овечьей
привыкли мы гурьбой,
и каинов привычен нам
раскаянный убой.

Наш век уже навываете,
но ужасу темно -
раскаянье привыкло к нам:
бесчинствует оно.

Привычки дым, как курица -
не выдохнуть всего.
Тебе судьбу такую бы,
безгрешный овцевод.

ПОБИЕНИЕ БЛУДНИЦЫ

Когда увидел грешницу
Спаситель между нами
сказал Он: "Кто не грешен здесь,
пусть первым бросит камень".

И пьяный мытарь возопил,
гранит сжимая потный:
"Уйди, покуда не побил
Тебя народец подлый!

Мы все грешны - неведомо
иль явно - все мы - в яме,
и именно поэтому
побьем ее камнями".

ЕСЛИ Б В КАНЕ ГАЛИЛЕЙСКОЙ

Трясущимися руками
пью водопроводную воду.
Вот если бы быть мне в Кане
одним из нищего сброда -

мне б кто-нибудь из галилеян
наполнил бы чудом чашу...
И я бормочу, веселея,
ртом, о стакан стучащим:

"Славен Иисус Чудотворец,
жених и невеста славны,
гостей подгулявший народец,
детишки, собаки, камни."

ИСХОД

*"Во сне был осчастливлен вами
И благодарен наяву"*

Пушкин

Меня примчал, как говорится, лайнер
(воздушный лайнер) из московских недр
в немеркнувшее по ночам гулянье -
в столицу всероссийского кривлянья
на западный и на любой манер.

От сточных вод и кладбищ Голодая
мы шли через Васильевский пешком,
немеркнущую полночь наблюдая -
со мной была еврейка молодая,
зане я с нею был почти знаком.

Еврейку звали Рива (правда, Рива?).
Ее любовник дунул в Израиль.
Но медлила она неторопливо,
а он ей письма слал из Тель-Авива
и тем хотел нарушить этот шгиль.

Да-с. Ночь была бела. И очевидцев,
могущих подтвердить мои слова,
навалом было: пацаны, девицы,
эрдельтерьеры, фокстерьеры, шпицы,
владельцы их. А посреди - Нева.

Нева литературная! "Неву ли
мы видим пред собой?" - "Неву, Неву".
От Шмидтова моста мы повернули,
и Новая - во сне ли наяву ли -
Голландия явилась наяву.

В ней не было голландцев. Русских тоже.
А ночь, меж тем, и здесь была бела.
"Лишь мы с тобою в это чудо вхожи!
Я по отцу еврей, хоть непохоже,
имей в виду". "Имею". (Соврала).

Вода в канале гнилью пахла вяло.
Без искажений млели среди вод
дома (их тина густо населяла),

заря и что-то вроде арсенала
иль крепости без окон и ворот.

Мне кажется, я эту местность видел -
ну, как же, как же здесь, поди, живет
художник удивительный Левитин,
любитель поболтать о Зен, ценитель
особых поэтических красот.

Сомнительность мила в подобном типе
отшельников - их мера и ярем -
при насморке и перманентном гриппе
от сырости окрестных линотипий
среди которых мы теперь идем.

Красивые мосты и их перила.
Дворцы - не стать московской толкотне.
О чем мне Рива гордо говорила,
а я ей отвечал: "Конечно, Рива,
с тобой на все согласен я вполне".

Забыл сказать, что Рива - ленинградка,
а это не прописка, но уклад:
для ленинградцев нет миропорядка,
для ленинградцев все бездарно, гадко -
всё бред, а на вершине - Ленинград!

Их хиппи вне сравнения и закона
калифорнийских пращуров хиппей.
В Париже есть Саган, но нет "Сайгона" -
стоячее кафе для эпигона:
двугривенный займи и кофе пей.

Ах! Эрмитаж! Охапкин: бас отпетый.
Храм на крови. Аврора. Лена Шварц.
Есть на зиму дворец и сад на лето.
Исакий. Алла Дин. Для винегрета
и Кушнера довольно будет с вас.

А крепость? А Соснора? Всадник главный?
Фонтанка. Мойка. Невка. Некий Эрль.
Собор религии и атеизма. Лавра.
Поэт Охапкин. Не хватает лавров
у варваров. Но где же мы теперь?

Да, это сумасшедший дом на Пряжке -
тяжелый и на деле желтый дом:

в нем кто-то гнил из ленинградской бражки -
алкаш, небось, или имел замашки -
кололся или выпущен потом.

Отсюда вновь каналом к дому Блока
мы двинулись вдоль лодок под чехлом,
что на колодках спали крутобоко
вдоль набережной. Было одиноко
и мне и ей... Ей-ей забыл про ром!

В дорожной сумке у меня меж прозы -
меж Петушками, скажем, и Москвой,
между стихов походного обоза
была с собой - как я забыл, о Боже -
початая бутылка рома... Стой!

Про ром скажу отдельно и весомо,
не просто помяну его добром:
прекрасней и светлей сухого рома
"Navana Club", шесть рэ, привез из дома,
едва ль когда бывал на свете ром.

Люблю словцо "uncork"! Свинтил я крышку
(и ночь в сей миг всего белей была).
Ром чуть горчил и вызывал одышку.
Но лишь на миг. "Твое здоровье". Ишь как
пьет наша Рива - браво - из горла.

Так шли мы, поддавая то и дело.
По тусклой влаге лодка проплыла.
Вдали мелькнули два невнятных тела. •
То были мы. (Признаться, ночь темнела).
И смех сих тел звучал из-за угла.

Со стороны я посмотрел на Риву -
да, Рива походила на Рахиль,
но не на мать, рожавшую ревниво -
на девочку среди овечьей гривы,
Иакову явившуюся... Иль

не походила - разве ростом малым,
движений отсебятиной смешной,
потемками волос, но не хватало
доверчивости с самого начала,
что так сияла в неподдельной той.

Пожалуй, в Риве крылась только сила,
хоть древняя, ненадобная хоть -
в глазах ее и в голосе сквозила,
но видит Рива мало и спесиво,
а скажет что - не приведи, Господь.

Но нет, за Голодай, где мы плутали,
за то, что мы расстанемся на днях,
за нашу встречу, за поездку в Таллин,
я благодарен Риве, благодарен -
за связь, за спесь, за слово "парадняк".

Смотри, смотри, смотри полуоткрыто!
Под тяжестью ее восточных век
чуть искрится: поди ж - благодарит он!
А я люблюсь потаенным ликом,
бутылку запрокидывая вверх.

ПЬЮ ЗА РОДСТВО ПО ИМЕНИ СИРОТСТВО!
За город упоительных затей,
любимый столь Ахматовой и Бродским,
за Розанова дом на Петроградской -
ах, Розанов - российский иудей!

...Темнела ночь, хотя и незаметно.
Заря обходом шла вдоль перспектив.
Дома, дома, как ипостаси метра,
между домов втирались незаметно,
пустые расстояния сплотив.

Дом Блока. Угловой. Вон тот. Едва ли.
Блок в Ленинграде не жил никогда.
Ведь и тебя переименовали:
не Рива ты. Пойдем отсюда дале -
под этим отражением - вода.

И мы пошли - оставшиеся двое
среди пустынных каменных прикрас.
Туземцы пили пиво над Невою,
но и у нас все кончилось запоем,
прервавшим сей бесхитростный рассказ.

Остались лишь фасадов сны и стены
от этого гулянья год назад,
и вспомнил я забывшуюся сцену,
поскольку Рива улетела в Вену,
оставив мне на память Ленинград.

Я был бы верен до конца
тебе, души краса,
но пальцы коченеют,
но с неба падает звезда,
как птица из гнезда
(иль, как птенец, точнее).

Вкруг теплой жизни - звезд оклад,
о Боже:
тепло есть вдохновенный хлад -
не больше.

1974 - 1975

речитатив

*"Словно как шумный осенний Борей по широкой равнине
Носит повсюду засохший, скатавшийся густо репейник,
По морю так беззащитное судно носили
Ветры..."*

"Одиссея"

*"Если умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там..."*

"Илиада"

ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда утонет древний грек,
насыпьте холм на милый берег,
чтобы к нему пришла душа,
одна домой спеша.
Пусть безымянный этот холм
всю сохранит тебя тайком,
как те могилы, что хранят
лишь имена... И то навряд.

1.

Костлявый берег тлена.
Зачем тебе, Сирена,
очередной пловец? -
пускай куда-невесть
свою ладью направит...
Но ты молчать не вправе:
пловец покинет челн,
не ведая, зачем.

2.

Ты велик, Кронион!
Вот - парное мясо.
Быть богохранимым
так небезопасно.
Ты знаменье дай нам,
хоть оно коварно,
хоть откроет тайну
только фрагментарно.

3.

Сквозь вереск прежний
вижу на миг я:
на побережье -
дева возникла -
как "Одиссея",
что возникает
в маленьком сердце
у Навзикая.

4.

Вышли надежды,
прибыла убыль,
когда однажды
тебя пригубил
и на плачевный
мир полупьяный
через плечо твое
смуглое глянул.

5.

Боги, герои,
нимфы тенистые -
не за горами
их вечности местные -
ясно, капризно
в смертных объятьях
их вечной жизни
длилось проклятье.

6.

А есть еще века,
где нам - какое дело,
что ненависть легка,
что близость пустотела,
где детской простоты
бесхитростно коварство,
где олимпийцев рты
умели целоваться.

7.

Отдайте море всем ветрам на слом!
Судьба волос твоих еще коснется.
Младенческой душе еще не снится,
как тесен мир между добром и злом.
Ударь, гребец, по глубине веслом!
И знаешь ли, хитрец голубоокый -
в Элладе даже зло творили боги,
чтоб люди говорили: поделом.

8.

Время столь одушевленно,
а пространство столь бездушно,
и на острове бездонном
дней чужих считать не нужно:
вечность дремлет безразлично.
Спит Елена. Нестор вянет.
И отца напрасно ищет
Телемак среди расстояний.

9.

Если вам время отсчитывать надо,
вот вам песка переливы, а также
звон, по окрестным ночам не стихавший:
это секунды, то есть цикады.
Время не требует гирь и завода:
миг - и прилив совпадает с отливом.
Вдоволь песка бесконечного, либо
точных цикад сокровенного звона.

10.

Остров окружает пена
бешеная здешних бурь.
Зря бесстрашный взор не хмурь:
шторм уляжется в лазурь
штиля. Упоенье плена
ты узнаешь - что порой
упойтельно, герой.

11.

Здесь царственно Цирцея
подносит хмель таинственный,
чтобы распались цепи

и воцарилось свинство,
и до чего красивы
ее глаза без слез
и золотая нива
божественных волос.

12. ЦИРЦЕЯ:

Ждать нам, богиням,
положено вечно.
Жажды погибель
бесчеловечна:
в людях пред нею
мне на потеху
разом бледнеет
лик человека.

13.

Хитрая волшебница,
милая колдунья -
ее травы шепчутся,
злоствуют, ревнуют...
Но сюжет не дремлет,
и летит с небес
с корешком подземным
бронзовый Гермес.

14.

Нас богиня обратила
из свиней во человеки
и сидела среди пира,
говоря: "Пируйте, греки!"
А хитрец наш, хоть нетрезвый,
уж склоняется над ней:
"Кто глаза твои надрезал?
О, никто б не мог точней!"

15.

Состав колдовского напитка,
который готовила Кирка:
добавить в горячую воду
овечьего сыру и мёду,
пшеничной муки и вина.
Рецепт проверяла она.

16.

Спьяну, в пылу ли -
всё же обидно вам:
не помянули
вина глинобитного -
душу разъяв, оно,
плоть разорвавши,
щедро разбавлено
трезвостью вашей.

17.

Всё одновременно.
Сциллины красы
обратив в химеру
(вместо лона - псы),
знай, Цирцея, страсть твою
БУДУЩУЮ - днесь
месть постигнет: странника
Сцилла хочет съесть.

18.

Одна богиня дикая
далёко от села
среди зарослей возникнет
нагая, как скала -
она тебе с утеса
опустит хмель волос -
охотник, лезь, не бойся! -
не то - высок утес.

19.

Лес старинный, крутобровый,
где оленю спаса нет.
Звук охотничьего рога -
мощных легких свежий след -
здесь Диана хорошеет,
хорошеет на глазах -
ей собаки лижут шею,
и́ски, губы и глаза.

20.

Апполон спросил Гермеса,
указуя на Ареса,

что лежал с Кипридой парно
в ревности сетях коварных:
"Интересно,
согласился б ты, Гермес,
сей позор познать Ареса?"
... Что ж, по-вашему, повеса
отказался наотрез?

21.

Отправляясь в царство теней,
Одиссей не оглянулся,
оттого что парус гнулся,
нисходили волн ступени.
Но ему приснились вскоре -
остров, заросли высоко
и одышливое море
восклицаний, воплей, вздохов.

22.

Прощай, полубогиня,
полупогибель и...
Видения нагие
в нагой груди храни.
Пора обратно в пекло,
где не простынет след,
хоть мне легко, КАК ПЕПЛУ,
с тобою... полубред.

23. ЦИРЦЕЯ:

Не памятью, а жизнью
живет Олимп горé.
Участвовать ты призван
в беспамятства игре.
Забвения искусством
мы все владеем тут -
следы моих укусов
еще не заживут.

24.

Спускался в царство тéней он -
кто пропустил его?
туда, где всё потеряно,
прозрачно и мертво

(но пустоте той тесно,
прозрачность ту не тронь!) -
так мы по темноте своей
спускаемся в метро.

25.

Там за скалой забвения,
за белой скалой -
бездременная пена,
изношенный прибор -
в забвении удушливом -
крылаты и малы -
над каплей крови души
пищат, как комары.

26.

Мать прозрачна -
и слезы и руки.
Едва означены
мертвые други -
сонм их - истома
свершенного рока -
с ними живому
так одиноко.

27.

Тополь черный или ива -
флора мрачного Аида.
Ну, теперь мужайся, муж:
обнаживши меч двуострый,
поплывешь - золов остров -
среди безумья легких душ.

28.

Посмотри сквозь Ахиллеса,
Агамемнона послушай
речи мертвые, и если
не затопчут тебя души,
ты спроси кого попало -
безызвестности не бойся -
там ли Элиот и Паунд,
нет ли там такого - Джойса?

29.

Вышел, и вслед за ним -
бледные лица,
замыслы бледные
тянутся низко
и, ОТНОСИТЕЛЬНО,
как из больницы -
тень посетителя,
душ вереница.

30. ОДИССЕЙ:

Будь я хоть трижды герой,
все же мне мнится порой,
что в этом душ подземелье,
хоть я и вышел оттуда,
душа моя незаметно
кинув меня, как Иуда,
влилась, как легкий глоток,
в общий бесплотный поток
тенью безгрудой.

31.

Оттого сошел я
в тэней этих царство,
где бумаги шорох -
время и пространство,
что порой чудесной
от родного хлада
тень моего детства
занесло в Элладу.

32.

(Эллада. Первое виденье.
Скалы отвесное паденье,
и зелень вод насквозь видна.
Над нею - ржавый корпус судна,
потопленного немцами до дна.
Эгейский ветерок.
Далеких гор рисунки.
И страхом детства грудь моя полна.)

33.

Спит, как эпос, Навзикая.
Долго ждать ее прихода.
Холод душу проникает,
словно меди смертный холод.
Буря в берег бьется гневно
столь же чуждый, сколь скалистый.
Одиссей, заройся в листья
и явись во сне царевне.

34.

Ну, а этот остров твой:
в центре этих всплесков
остров твой хорош собой,
и качает вас прибой
плавно, по-эгейски.
Ты воистину одна
здесь: одна как есть -
сонно выгнута спина,
нежно грудь обнажена,
и никого окрест.

35.

На островах Блаженных,
где сажа столь бела,
томятся без движения
роскошные тела.
Бесплодно чаять, влечься,
и яств безвкусен яд.
Сознания корчи вечные.
Воспоминаний ад.

36.

Маленький жирный божок,
тучного тлена дружок,
вечно владеет он, вечно
нынешней сточною речкой,
что от земли на вершок -
нефть натянув золотую
поверх зловонного слива,
ржавым куском арматуры
ловит он презервативы.

37.

Не рыдайте, спутники:
мы иль наши тени -
всё равно мы спустимся
в это подземелье.
Темный мир Аида
и страшит и манит,
как опасность или
как НЕПОНИМАНИЕ.

38.

Рыбу не ели
древние греки.
Рыба на деле
их пожирала.
Ветра замашки.
Моря огрехи.
Парус намокший.
Крики аврала.

39.

Над своим вязаньем
задремали Парки.
Страхи визуальны -
не робейте, парни.
Оттого нас море
губит столь упорно,
что являя волю
не имеет формы.

40.

В отчаяньи Полифем
кричит и скалы мечет
во тьму, что стала всем
на свете - мир овечий,
съедобный мир погас:
очаг и козье вымя...
Лишь выколотый глаз
болит, как будто видит.

41.

Согласно предсказанию
гребцов лишившись всех,

без мысли, без сознания
подумал Одиссей:
"Обманчивая легкость,
присущая челну,
заслышав бури клекот,
легко идет ко дну".

42.

Гляди того потонем -
ему и горя нет.
Нам всею слепотою
циклоп глядит вослед.
Не нимфы, не наяды,
а видит нас, застыв,
Медузиного взгляда
холодный объектив.

43.

Всё одновременно:
люди, звери, боги.
Одиссей из пены
вышел одинокий.
И пока пирует
странник окаянный,
рыбы пожирают
всю его команду.

44.

Как воск, податливый покой.
Калипсо среди своих волос.
Но среди разлуки окружной
ты - одиночества угес.
На волны сядет альбатрос,
и взор его сонлив и пуст,
как расстояния разброс...
Но то что было, будет пусть.

45.

Одинокий на угесе
одиноким сел.
Глядя, как волну уносит,
думал Одиссей:
у богинь бесследны лица -

вечность невзначай
всё стирает... Ты ж, царица,
постарела, чай.

46.

У богинь бесследны лица милые -
то бессмертье тела без души:
вечным знаньем помыслы их хилые,
как колена, кто-то сокрушил.
Всё у них, как и у смертных бестий -
истерия, страсть ли, тело, лоно ли -
только слезы абсолютно несоленые -
пресные, как будто дождь небесный.

47.

Жизнь без смерти - хоть умри -
потеряла очертанья:
глыбы мрамора внутри
стиснутое изваянье...
Не кичись, бессмертье дав,
мне без смерти одиноко,
как средь этих вот забав
в стороне от бурь и рока.

48.

Лик ее дальний
солоноват.
Коль на прощанье
её целовать:
слова не молвит -
лишь слезы одни,
но словно море,
уста солонь.

49.

Твоих солоноватых черт,
жена моя, хранительница пряжи,
я не забыл в скитаниях, ни даже
в объятиях божественных. Зачем
меня носило от беды к беде
известно разве мстительной воде,
но где б я ни был, ты была везде
недостающей каплей в полной чаше.

50.

Сам сынка одного лишь нажил.
И того потерявши совсем,
за короткую молодость нашу
поднимает гранитную чашу
бессердечный старик Одиссей.

51.

Дело тут не в Телемаке
и - клянусь - не в Пенелопе -
от Итаки до Итаки
рыба грезит об улове.
И в ущерб страстям, пиратству
оттого стремился так он
в свое каменное царство,
в сокровенную Итаку.

52.

Когда ты в моих объятьях,
я губам своим не верю,
а потом шепчу проклятья
и... губам своим не верю.
Остров, став морскою гладью,
удаляется по мере
вдохновенья парусов,
напряжения гребцов.

53.

Отчаливают челны -
свети, родной очаг! -
и поцелуи черные
бледнеют на плечах.
Ни расставаний, ни прикрас,
но всё же как-никак
бывало много РАЗНЫХ слез
и на ее щеках.

54.

Напутствий всех помимо,
дарю тебе - смотри:
нагие и незримые
объятия мои -
пусть горло стиснут страстью,

когда вина пьяней,
ты тоже станешь хвастать
богиней своей.

55.

Судьба всему виною -
пора вам уплывать,
на острове с женою
на лаврах почивать,
а как любила вас я,
любезный Одиссей -
почти как красоваться
перед вселенной всей.

56.

Становясь всё тоньше, легче,
краше, безопасней -
удаляются предплечья,
пальцы и запястья
и волос потоп и шепот
лиловатых губ,
линии вольней потопа,
слов прозрачных глубь.

57.

Вдовствует пряха, а не царица.
Телемахида становится явью.
Воют сирены. Волны петляют.
И перепутались ласки и лица -
то ли Цирцея, то ли Калипсо -
не представляю.

58.

Дым исчез, как корабли -
черный дым троянской гари
там, где прыгает вдали
моря бурный дельфинарий.
В моря мраморе седом,
где страна его седая,
без скафандра Посейдон,
негодую, восседает.

59.

Моря кривь из бывшей Трои
в Лакадэмона страны.
От морей или от крови
небеса столь солонь?
И вдохнув эгейской соли,
Менелай подумал вяло:
много плакала в неволе
ты, Елена... Или мало.

60.

Осквернительница ложа.
Царского добра воровка.
Корень брани. Отчего же
Менелай ее столь робко
пощадил? - Краса нетленна:
заповедан этот рай
и для гнева и для плена,
оттого свою Елену
не ревнует Менелай.

61.

Дика, как виноград.
Как диво, слов не знает.
Ее блаженный взгляд
извне непроницаем.
Неоскверненный рай,
где всяк вошедший проклят -
Тезей ли, Менелай,
Парис ли, Деифоб ли.

62.

Из-за тебя мы погубили град.
Ты - Немезиды дочь, но, впрочем, кто не сын ей?
Нет, ты была дика, как виноград,
и как вино - прозрачна и невинна:
вина прозрачный ток размерян, тих,
покуда не достигнет уст людских.

63.

Что ж Менелай - поладил
с Еленою своей?
А то чего бы ради

в бою и средь морей
мы гибли? - Да, простил он,
на плоть ее взглянув,
могучего Ахилла
загробную жену.

64.

Но слухами чревата
любой легенды синь:
Елена-Дендриата
на волоске висит.

Средь славы непрестанной
пришлось во всей красе
Елене Деревянной
на дереве висеть.

И в память этих бредней
на Родосе и впрямь
удавленнице древней
поставлен древний храм.

65.

"ЕЛЕНА" по Эсхилу значит "ПЛЕН" -
все на коленях у ее колен.
Услада мира и Эриний мера -
она - немая спутница Гомера
незрячего.

66.

Где же одновременно
был прообраз, типаж,
если вместо Елены
Зевс подсунул мираж
грекам - из сочленений
изваянье, макет?
Дела нету Елене
где и как ее нет.

67.

Елена - лишь видение.
И заварухи всей
виновником и гением

был - ясно - Одиссей:
чтоб высватать Елену, но
ослабив петлю уз,
придумал он для эллинов
Ахейский - что? - Союз!

68.

Да: Елена ради
витязей ахейских
украдет палладий
с Лазртидом дерзким.
Но она же зовом
близким, как измена,
выкликнет их... Словом,
все одновременно.

69. (СИРЕНЬ)

Только по пояс
они были девы.
Далее полностью
в перья одеты.

Взмахи их рук
это крыл оперенье.
Лица округлые
суть вожделенье.

Издали - как во сне -
видели парус,
и ни одна из них
не улыбалась.

70.

Даже гибельного пенья
гибель славная условна.
Иль всё впрямь одновременно,
и в начале - только Слово?
Перепеть Сирен Орфею
удалось, и полудевы
гибнут... Глядь, и Одиссея
снова губят их напевы.

71.

Оставленный залогом
того, что в оный час
преобразится в слово
вся эта кровь и грязь,
в незыблемое пение,
в античные стихи,
запоминает Фемий,
как гибнут женихи.

72.

Сизой весной,
осенью сирью -
всё бы нам, совесть,
с тобой музицировать,
выгнав из леса
цевницу Пана
пифагорейца
и меломана.

73.

Коленопреклонен
и бел, как жалкий пепел,
о, Фемий, - ведал он,
что выжив, будет петь он -
так петь, чтобы неметь
от собственного пенья
под аккомпанемент
цезур сердцебиенья.

74.

Под столом собаки дремлют.
Кубки на бок повалились.
Ключница задвинет двери -
ни в разлив и ни на вынос.
Время дышит еле-еле.
Кончен пир. Белеют кости.
Утомились, захмелели
Гнедич и Жуковский.

75.

Олимп. Веселое семейство
богов разглядывает действо

внизу - в пучине естества:
кровосмешение возмездий
людских и тучная листва
растительности. Нэктар липкий
бог с архаической улыбки
(с той древней, непостижной той)
стирает дланью монолитной
или паросской бородой.

76.

Где водяные
холмы средиземные,
там и поныне
их тени оседлые -
боги ли лютые -
что за фигуры!
люди - прелюдии
и увертюры.

77.

Длани. Колена.
Локоны. Ноги.
Голени. Лики.
Смертные. Боги.
Бедра и груди.
Бицепсы. Спины.
Боги. Герои.
Люди. Дельфины.

78.

Видения густы, как листопад -
в нем каждый лист, как откровенье, точен.
Но спрячешь ли всей осени распад
за фиговый классический листочек?
Зачем освобожден от ночи сон,
решайте сами, люди или Мойры...
В основе плаванья лежит хмельное море,
но чуть касается его искусный челн.

79.

Пусть звучанье будет хоть
легким, словно твой уход,
легким, словно твой укор,

пусть дерев античный хор
нам, как водится, подскажет
крон слетающую тяжесть -
легкость сучьев, листьев, спор.

80.

Охота да похоть.
Бесхитростный страх.
Рыдания. Хохот.
Возмездье. Измена.
Бескровный, бесчувственный
греческий ад
приходит бесчинствам
на смену.

81.

На декадрахме
древней, но явной -
вот фотография
юной Дианы.
Смертный, взгляни-ка
на плеск этих линий.
Вкруг ее лика -
танец дельфиний.

82. Дельфины:

Мы по сей день на них глядим
из нашей воли синей -
развеялся в зловонный дым
рисунок парусины.
Едва плывут, но как и встарь
считают: очень быстро.
Как водоросли - их уста,
и взоры - как убийство.

83.

Два чернофигурных
воина. Безгласно
третьего влекут они
по лаконской вазе.
А под ними, будго
символ вечной ссоры -
два чернофигурных
петуха бойцовых.

84.

Посетитель душ бесследных
мрачно сравнивает кормчий:
"Моря корчи столь же слепы,
сколь и смертной битвы корчи",
хоть уже поэт российский,
тоже достигавший ада,
сопоставил бой ахейский
с кривизною винограда.

85.

Человек - счастливый случай.
Надломив сосну, как кустик,
Полифем подбросил сучьев,
да: вино ему по вкусу.
И шипит наш друг-бедняга,
возбуждая аппетит...
Полифем, глазная влага
точно так же зашипит.

86.

Но нимфы бег уж слишком скор -
где свора резвая Эриний?
сатир очки свои протер
и полстакана водки принял
и плавленым заел сыром,
но, так как стало поздновато,
он на часы взглянул тайком
и скрылся в роще суковатой.

87.

Подумал я про одного:
его кончины студень
изменит ли что из того,
что стало сутью судеб?
Душа твоя, как в смерти, тать,
в беспамятства припадке -
о, сколько судеб оборвать
ты мог легко, как Парки.

88.

Три раза выкликни души умерших,
три раза выкликни души погибших,

три раза - их, приобщенных к чужбине.
И за челном по-над бездной кромешной
вслед полетят тени воинов бывших
в холм дорогой, что покроеет их имя
пышно.

89.

Обидами нагими
затмили блеск телес
завистницы богини,
завистник Ахиллес.
Царь Агамемнон зарится
на трепетный трофей.
Погиб Аякс от зависти
божественной своей.

90.

Узколиц. И очи близко
сопоставлены. Следы
воплей скрыл в лице тенистом
треугольник бороды.
Чуть коротковата шея -
или плечи чуть торчат?
Весь порос античной шерстью
серебристой, как парча.

91.

Узколиц не по-ахейски.
И отметить надо
вырез глаз слегка злодейский,
неподвижность взгляда.
Облик старого атлета.
В скулах стиснул лик
всё, что следует бесследно
позабыть, старик.

92.

На сене, на соломе
и - кормчий - на корме -
он думает о доме
на ложе без корней.
Но вот он, скажем, дома,
хоть дома все вверх дном -

о чем он станет думать
на ложе коренном?

93.

Бури подспудные.
Отдыха стансы.
Был ли он спутником
собственных странствий?
Муза, зачем ему
страхи обширные
и в заключение
пиршество жирное?

94.

Эй, Одиссей Лаэртид, воитель гневный -
он же соратник богов, богинь сожитель -
всех служанок-блудниц связал, как хворост,
и словно хворост, зажег он всю вязанку,
чтоб полыхали они, как гнев, как похоть,
чтоб со стыда за них сам огонь сгорал бы.

95.

Бороды твоей монисто
и чело склонились низко,
и скитаний дальний вид
тяжко веками прикрыт.
Волны пляшут, приседая.
Цену славы и молвы
знает грудь твоя седая,
знает пепел головы.

96.

Беременна богиня.
Уже недалеко
младенец. Будет имя
младенцу: ТЕЛЕГОН.
Вздыхает голубицей -
ты только посмотри -
когда отцеубийца
шевелится внутри.

97.

Как всякий пес, я сразу чую бога.
Лишь человек при боге глух и слеп.
Хозяина ж и в рубище убогом
узнаю я и через двадцать лет.
Служанки бьют, и сам себе я в тягость,
подстилкой мне - слежавшийся навоз,
а он меня узнает: "Аргус, Аргус,
эк обветшал и обовшивел пес!"

98.

Не странствия, не страсти и не войны,
но странной безысходности приволье
влекло меня в античных тэней лоно
с незримой силой гравитационной,
чтоб ночь изречь легко и неподдельно
с божественною легкостью паденья.

99.

Одиссей убил из мести
соблазненную Анфимом
Пенелопу. Та с Гермесом
после Пана зачала.
Или нет - с отцеубийцей
Телегоном в брак вступила -
за смертей людских границей
их блаженствуют тела.

100.

Нету ни храма,
ни рваной завесы.
Нищий, охраны
проси у Зевеса -
откройте клювы,
нищие духом,
я накормлю вас
мясом и туком.

101.

Сухого хвороста собрав,
вяжите больше дров
в беспроволочный телеграф

Эсхиловых костров -
ждет мести мстительный Эгист
и Клитемнестра с ним.
Видны ночами вспышки искр,
а днем - тяжелый дым.

102.

Лоно Сциллы, как ни странно,
было сворой злобных псов -
тех, что мчатся за Дианой
через происки лесов -
их движения мгновенны,
в пене алчущая пасть...
И из этой пены, верно,
Афродита родилась.

103.

Воители и мужи,
сидящие в коне,
вам голос мой не нужен,
так пусть же в тишине
ночного Илиона
завороженных вас
окликнут ваши жены,
в Елену воплотятся.

104.

Звезды в море упадая,
упадая на беду,
тьму собою прободая,
звезды знают и ведут:
то ль хвостатая комета -
угрожающий Пифон,
то ль играет до рассвета
звездных циклов патефон.

105.

Бесплодно время, говорят.
Но звезды только в нем горят.
Надеюсь я, что плотью лет
наполнил пустовавший след,
мелодий сих речитатив
в косматый мрамор воплотив.

СОДЕРЖАНИЕ

Б А С Т А

Когда проснешься	5
Сквозь движенье	6
"Где окраины отшиб"	6
О Лене, полюбившей Айзенштата	6
По сути	8
Лейтенант Алдобергенов	8
Мара, Робеспьер и д'Антон? - Нет - мадам де Ламбаль	9
Куда девать труп Мирабо	10
Втуне	10
Эпизод	10
Что ж тот чудак	11
Ура	11
Съезд	11
Материализм	11
Всех ли погубил потоп	12
Птицелов	12
Пигмалион.	13
"Боюсь, что недостойны вы"	14
Шахматово	14
Наш островок	15
"Пусть гнетет тебя, храня".	16
Три ворона, три ворога, три друга	16
Такая ясность	17
"Ах, от худа, кроме худа"	17
В час любовного молчанья	17
Уходя спозаранку	18
Восход солнца	18
"Оставишь мое имя"	19
"У женственности свой секрет"	19
"Наивно искушаемый тобою"	19
"Добро и зло в ней смешаны исконно"	19
"Она была из тех полупустынь"	20
"Не век глядеть нетленно"	20
"Страшись однажды в душу к ней войти"	20
Легенда	20

Молчанье	21
Запоздалое посланье	22
На словах	23
Бедняга Йорик	24
Помещанный	26
"Не печалься, древний Габирол"	26
"День базарный бел, как мельник"	26
Стансы	26
Побиение блудницы	27
Если б в Кане Галилейской	27
Исход.	28
"Я был бы верен до конца"	32

Р Е Ч И Т А Т И В

1. "Костлявый берег тлена"	35
2. "Ты велик, Кронион"	35
3. "Сквозь вереск прежний"	36
4. "Вышли надежды"	36
5. "Боги, герои"	36
6. "А есть еще века"	36
7. "Отдайте море всем ветрам на слом"	37
8. "Время столь одушевленно"	37
9. "Если вам время отсчитывать надо"	37
10. "Остров окружает пена"	37
11. "Здесь царственно Цирцея"	37
12. "Ждать нам, богиням"	38
13. "Хитрая волшебница"	38
14. "Нас богиня обратила"	38
15. "Состав колдовского напитка"	38
16. "Спьяну, в пылу ли"	39
17. "Всё одновременно"	39
18. "Одна богиня дикая"	39
19. "Лес старинный, крутобровый"	39
20. "Апполон спросил Гермеса"	39
21. "Отправляясь в царство теней"	40
22. "Прощай, полубогиня"	40
23. "Не памятью, а жизнью"	40
24. "Спускался в царство теней он"	40
25. "Там за скалой забвения"	41
26. "Матерь прозрачна"	41
27. "Тополь черный или ива"	41
28. "Посмотри сквозь Ахиллеса"	41
29. "Вышел, и вслед за ним"	42
30. "Будь я хоть трижды герой"	42

31. "Оттого сошел я"	42
32. "Эллада. Первое виденье"	42
33. "Спит, как эпос Навзикая".	43
34. "Ну, а этот остров твой"	43
35. "На островах Блаженных"	43
36. "Маленький жирный божок"	43
37. "Не рыдайте, спутники"	44
38. "Рыбу не ели"	44
39. "Над своим вязаньем"	44
40. "В отчаяньи Полифем"	44
41. "Согласно предсказанию"	44
42. "Гляди того потонем"	45
43. "Все одновременно"	45
44. "Как воск, податливый покой"	45
45. "Одинокий на утесе"	45
46. "У богинь бесследны лица милые"	46
47. "Жизнь без смерти - хоть умри"	46
48. "Лик ее дальний"	46
49. "Твоих солоноватых черт"	46
50. "Сам сынка одного лишь нажил"	47
51. "Дело тут не в Телемаке"	47
52. "Когда ты в моих объятьях"	47
53. "Отчаливают челны"	47
54. "Напутствий всех помимо"	47
55. "Судьба всему виною"	48
56. "Становясь все тоньше, легче"	48
57. "Вдовствует пряха, а не царица"	48
58. "Дым исчез, как корабли"	48
59. "Моря кривь из бывшей Трои"	49
60. "Осквернительница ложа"	49
61. "Дика, как виноград"	49
62. "Из-за тебя мы погубили град"	49
63. "Что ж Менелай - поладил"	49
64. "Но слухами чревата"	50
65. "ЕЛЕНА по Эсхилу значит ПЛЕН"	50
66. "Где же одновременно"	50
67. "Елена - лишь видение"	50
68. "Да: Елена ради"	51
69. "Только по пояс".	51
70. "Даже гибельного пеня"	51
71. "Оставленный залогом"	52
72. "Сизой весною"	52
73. "Коленопреклонен"	52
74. "Под столом собаки дремлют"	52
75. "Олимп. Веселое семейство"	52

76. "Где водяные"	53
77. "Длани. Колена"	53
78. "Видения густы, как листопад"	53
79. "Пусть звучанье будет хоть"	53
80. "Охота да похоть"	54
81. "На декадрахме"	54
82. "Мы по сей день на них глядим"	54
83. "Два чернофигурных"	54
84. "Посетитель душ бесследных"	55
85. "Человек - счастливый случай"	55
86. "Но нимфы бег уж слишком скор"	55
87. "Подумал я про одного"	55
88. "Три раза выкликни души умерших"	55
89. "Обидами нагими"	56
90. "Узколиц. И очи близко"	56
91. "Узколиц не по-ахейски"	56
92. "На сене, на соломе"	56
93. "Бури подспудные"	57
94. "Эй, Одиссей Лаэртид, воитель гневный"	57
95. "Бороды твоей монисто"	57
96. "Беременна богиня".	57
97. "Как всякий пес, я сразу чую бога".	58
98. "Не странствия, не страсти и не войны"	58
99. "Одиссей убил из мести"	58
100. "Нету ни храма".	58
101. "Сухого хвороста собрав"	58
102. "Лоно Сциллы, как ни странно"	59
103. "Воители и мужи"	59
104. "Звезды в море упадая"	59
105. "Бесплотно время, говорят"	59

Александр Леонидович Величанский

Баста. Речитатив

Стихи

Редактор *В.Э.Айзенштат*

Технический редактор *З.С.Кондрашова*

Корректор *Е.Д. Горжевская*

Художник *В.М. Радецкий*

Сдано в набор 09.11.89. Подписано к печати 31.12.89.Л 17326.

Формат 60x88/16. Бумага офс. №2. Печать офсетная.

Гарнитура "Таймс" Усл.печ.л. 3,9. Усл.кр.-отт. 4,2.

Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 6. Цена 2 р. 50 к.

Издательство "Прометей" МГПИ им. В.И.Ленина

119048, Москва, ул.Усачева, 64.

Оригинал-макет изготовлен на системе Macintosh SE

в СП "Интерквадро". 125130, Москва, 2-й Новоподмосковный, д. 4.

Отпечатано в московской типографии №8

Государственного комитета СССР по печати.

101898, Москва, Хохловский пер., 7.

2 р. 50 к.